

КРАТКИЙ ОБЗОР АРХЕОЛОГИИ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ
АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ

Мурыгин А.М.

Приполярные и заполярные области материковой части крайнего северо-востока Европы, по административному делению соответствуют Ненецкому автономному округу Архангельской области. Основой ландшафта территории являются Большеземельская, Малоземельская и Канинская тундры. Они располагаются в арктическом и субарктическом климатических поясах и представляют собой в рельефе слабохолмистую, в основном равнинную, заболоченную безлесную низменность с низкими и не всегда сплошным растительным покровом.

Наиболее ранние известия о древностях крайнего северо-востока Европы появляются еще в конце XVIII-XIX вв. (Вениамин (Смирнов В.Н.), архимандрит, В.Н. Латкин, И. И. Лепехин, А.И. Шренк, и др.). Однако первые достоверные археологические находки в Малоземельской и Большеземельской тундре были сделаны только во второй половине XIX – начале XX вв. (Штукенберг, 1875; 1884; Фосс, 1952 и др.). В начале XX в. несколько стоянок с кремневым инвентарем и керамикой были открыты биологом А.В. Журавским на р. Колва и геологом Н.А. Куликом на рр. Колва и Большая Роговая в Большеземельской тундре (Журавский, 1909; Кулик, 1914; 1915). Известны также случайные сборы из разных мест Мало- и Большеземельской тундры (бухта Индига, низовья р. Печора, р. Адзэва), произведенные в 30-е годы прошлого столетия². Существенное место в археологическом открытии Боль-

шеземельской тундры занимает деятельность геолога Г.А. Чернова. Результаты его открытий нашли отражение в многочисленных публикациях, выходявших на протяжении 1940-1980-х гг. Позднее эти же материалы были изданы в виде свода археологических памятников (Чернов, 1985).

В первые послевоенные годы в печорских тундрах работали геолог А.И. Блохин, зоолог Н.П. Пядышев, которые открыли ряд стоянок. В 1957 г. Н.Н. Гурина опубликовала материалы стоянки Печорская, коллекция которой была собрана на разрушенной поверхности в 30 км от г. Нарьян-Мар. Найденные здесь гребенчато-ямочная керамика и кремневый инвентарь послужили основанием для вывода о переселении ее носителей из Волго-Окского междуречья в низовья р. Печора (Гурина, 1957). В 1959-61 гг. геологами Коми филиала АН СССР В. Пучковым, Б. Мальковым и О. Кочетковым в Малоземельской и Канинской тундрах (на р. Индига и п-ове Канин) найдены четыре местонахождения кремневых предметов. В 1963 г. эти материалы были проанализированы и опубликованы В.Е. Лузгиным (Лузгин, 1963. С. 99-101). Итогом деятельности представителей естественнонаучных дисциплин в тундрах европейского Северо-Востока (включая север Республики Коми) к 1950-м гг. стало открытие не менее 325 археологических памятников.

В конце 1950 – начале 1960-х гг. прошлого столетия начинается планомерное систематическое археологическое изучение преимущественно таежной полосы европейского Северо-Востока археологами Коми филиала АН СССР. Одновременно ими же предпринимались археологические экспедиции в заполярные области. Первые профессиональные полевые исследования в Большеземельской тундре связаны с именем В.И. Канивца, который в 1967 г. частично раскопал Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место, открытое в

¹ Настоящая работа подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований «Арктика» - «Освоение арктической зоны Припечорья в древности и средневековье» (рег. номер 12-6-9-008-АРКТИКА), Программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект № 12-П-6-1002 «Формирование и развитие археологических культур эпохи железа на территории Европейского Северо-Востока: традиции и инновации».

² Детально история археологического изучения тундровой зоны в 1870-е – 1970-е гг. изложена в работе Л.П. Хлобыстина (1973. С. 54-57).

1947г. геологом Г.А. Черновым (Чернов, 1955), и произвел сборы подъемного материала на поверхности яреев, получивших название поселение Море-ю (Канивец, 1970. С. 12). В 1973 г. В.Е. Лузгин выявил стоянки каменного века в Малоземельской тундре на р. Индига, две из которых (Индига I, Поповка) были отнесены к эпохе неолита (Лузгин, 1974. С. 20; 1977. С. 23-30). В этом же году им же на р. Пеша (Канинская тундра) в результате разведочных работ было открыто поселение эпохи раннего железного века и эпохи бронзы (Лузгин, 1974. С. 20), а в 1975 г. им и А.М. Мурыгиным 12 памятников широкого хронологического диапазона (от эпохи бронзы до средневековья) с сохранившимся культурным слоем на Урдюжских озерах и у с. Коткино на р. Сула (Лузгин, Мурыгин, 1976). Существенный вклад в изучение арктических тундр внесли В. С. Стоколос и А. М. Мурыгин, которые в 1970-1980-е г. вели исследования на реках Море-ю, Коротайха и Вашуткиных озерах. Наряду с разведочными работами, оба исследователя проводили раскопки памятников на больших площадях. Результаты этих работ нашли отражение в обобщающих монографиях, посвященных культурам эпохи энеолита-бронзы и средневековья лесной и тундровой полосы европейского Северо-Востока (Стоколос, 1988; Мурыгин, 1992).

Во второй половине 1980-х гг. и в 2000 г. вблизи южных границ Ненецкого автономного округа, на левобережье р. Печора у пос. Новый Бор, найдены и исследовались могильник раннего железного века и несколько средневековых поселений и городищ (Васкул, 1989; Плюснин, 1991 и др.). Значительный научный интерес представляют находки, сделанные в конце 1980-х гг. в заполярном течении р. Адзьва у поселка Харута геологом Б.И. Гуслищером и археологом П.Ю. Павловым (Павлов, 1989. С. 29). Ими обследовано местонахождение плейстоценовой фауны и каменных изделий, предположительно относящееся к нижнему палеолиту (Павлов, 1997. С. 52-56).

В 1994-95 гг. в среднем течении р. Адзьва (долина руч. Пымва-шор) была открыта и исследована самая северная в Европе позднепалеолитическая стоянка Пымва-шор I, относящаяся к позднеледниковью и раннему голоцену (11000-9500(?) л. н.) (Павлов, Индрелид,

Свендсен, Хуфтхаммер, Смирнов, Андреичева, 1996; Павлов, 2002; 2008). Здесь же было выявлено жертвенное место, приуроченное к карстовой воронке, расположенной у края скального массива.

Необходимо, как представляется, хотя бы упомянуть здесь также об археологических памятниках, найденных и исследовавшихся на протяжении 1965-1996 гг. сотрудниками Коми научного центра УрО РАН, Интинского музея и Сыктывкарского университета (И.О. Васкул, С.Ю. Васильев, В.И. Канивец, В.Е. Лузгин, П.Ю. Павлов, В.Н. Семенов и др.) на правобережье р. Уса и широтного колена р. Печора. Памятники цепочкой протянулись вдоль южной кромки Большеземельской тундры, располагаясь в полосе редколесий крайней северной тайги и лесотундры. Среди них выделим палеолитическую стоянку Мамонтова курья, Адакское пещерное святилище, городище Поганый Нос, комплекс разновременных поселений у дер. Сынянырд.

В 1980-е гг. в Печорском Заполярье работали археологи Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. На правом берегу нижней Печоры у Городецкого озера О.В. Овсянников проводил раскопки городищ VI – XI в. н. э. (Ортинское городище, городище на р. Гнилка) и святилища на р. Гнилка VI-XIII в. н. э. (Ясински, Овсянников, 1998). Восточнее, на побережье Югорского п-ва, Л.П. Хлобыстин исследовал многослойное поселение Мыс Входной, существовавшее на протяжении всего I тыс. н. э. (Хлобыстин, Питулько, 1996).

С 1992 г. и по настоящее время археологические исследования на побережье Баренцева моря и в континентальной части Большеземельской тундры выполнялись отрядами Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН в рамках охранных мероприятий в зонах промышленного освоения (А.М. Мурыгин, П.Ю. Павлов, М.В. Кленов). Разведки проводились на обширной территории от п-ва Канин на западе до о. Вайгач на востоке. В Малоземельской тундре новые памятники археологии выявлены в районе устья р. Индига. В Большеземельской тундре новые археологические памятники были найдены в верхнем течении рр. Ярей-ю, Черная, Кывтан и Сарембойяха, в среднем течении р. Колва, в нижнем течении

рек Пярцарьяха, Нэбтеяха и Море-ю, в устье р. Талотаяха, в районе оз. Наульто и на материковой части побережья пролива Югорский Шар. Результатом этих исследований было открытие 51 нового памятника археологии и одного палеонтологического местонахождения (Мурыгин, Карманов, Кленов, 2102). В 2012 г. на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте был проведен комплекс охранно-спасательных работ, показавших перспективность продолжения исследований на этом уникальном археологическом объекте (Мурыгин, Усолкина, 2013). В 2013 г. в Канинской тундре на р. Ома в рамках соглашения о сотрудничестве между Ненецким автономным округом и Республикой Коми, Ненецким краеведческим музеем и ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН была проведена первая в этих местах археологическая разведка, в результате которой были открыты несколько археологических памятников эпохи энеолита-бронзы.

Кроме этого, в течение последних двух десятилетий в различных местах континентальных и прибрежных районов Мало- и Большеземельской тундр проводили археологические исследования сотрудники сектора охраны и использования археологического наследия и сектора исследования культурной и природной среды Арктики Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (И.Б. Барышев, П.В. Боярский, С.В. Гусев; г. Москва), Института археологии Севера (Г.П. Визгалов и др.; г. Нефтеюганск), Ненецкого (И.В. Хозяинов, Е.Г. Меньшакова и др.; г. Нарьян-Мар) и Архангельского (А.Г. Еловин) краеведческих музеев. Сотрудниками Института археологии Севера (г. Нефтеюганск) были обобщены, систематизированы и картографированы сведения об известных объектах археологического наследия на территории Ненецкого автономного округа, что позволило объединить весь имеющийся материал об археологических памятниках региона. Однако не все эти работы получили должное освещение в научной литературе, а их результаты большей частью отражены только в научных отчетах.

* * *

По мере накопления археологических источников ученые стали обращаться к проблеме периодизации культур древних обитателей тундровой зоны европейского севера. Первые

культурно-хронологические схемы стали разрабатываться ещё в начале 1950-х гг. на основе анализа материалов памятников Большеземельской тундры. В 1952 г. М.Е. Фосс выделила здесь печорскую культуру конца II – перв. пол. I тыс. до н. э. (Фосс, 1952. С. 145). Она отметила отсутствие на памятниках Большеземельской тундры «ямочно-гребенчатой керамики типа, распространенного в Волго-Окском бассейне и на значительной территории Севера, в более южных широтах». Исключение, по ее мнению, составляют стоянки Сандибей-ю VIII и Колва-вис I (Фосс, 1952. С. 139). А.Я. Брюсов справедливо отметил, что материал, собранный в Большеземельской тундре, «случаен и односторонен... сильно разновременен. Каких-либо существенных исторических выводов сделать по этому материалу нельзя. Однако он хорошо дополняет в некоторых отношениях общую картину расселения по северу древних племен» (Брюсов, 1952. С. 143). А.Я. Брюсов считал, что освоение Крайнего Севера, в том числе и Большеземельской тундры, происходило не ранее втор. пол. II тыс. до н. э. и было «следствием продолжающейся сегментации северных племен» (Брюсов, 1952. С. 144, 145, 259).

В 1954 г. Г.А. Чернов выделил большеземельскую «неолитическую» культуру (начало I тыс. до н. э. – нач. I тыс. н. э.), прошедшую в своем развитии три этапа. Памятникам первого этапа, по его мнению, предшествуют стоянки «с одними ножевидными пластинками» (Чернов, 1954. С. 82). В дальнейшем эта точка зрения в работах Г.А. Чернова не встречается.

В 1958 г. этнограф Л.П. Лашук (Лашук, 1958. С. 7-37) собрал все сведения, имевшиеся на тот момент времени и, руководствуясь работами А.Я. Брюсова, М.Е. Фосса и Г.А. Чернова, развил их взгляды на заселение Крайнего Севера в древности. Л.П. Лашук утверждал о «существовании единообразной археологической культуры неолитического облика на всей обширной территории Большеземельской тундры, включая низовья Печоры» – печорской, печорско-большеземельской, или большеземельской (Лашук, 1958. С. 19), бытовавшей длительный отрезок времени: II тыс. до н. э. – I в. н. э. По мнению этнографа, заселение региона происходило «из Сибири» и носители «большеземельской культуры» были родствен-

ны «неолитическому» населению Северного Приобья. Культурные трансформации, проявлением которых являются сходные типы каменных орудий и орнаментация керамики на смежных территориях, Л.П. Лашук объясняет подвижным (кочевым) образом жизни древнего населения, совершавшего сезонные промысловые кочевки в смежные регионы (Лашук, 1958. С. 28).

Идея о бытовании на территории Большеземельской тундры на протяжении длительного отрезка времени единой археологической культуры была подвергнута сомнению Л.П. Хлобыстиным. Он считал, что материалы тундровых памятников разновременны и разнокультурны, что объясняется проникновением сюда в разное время подвижных и немногочисленных групп населения (Хлобыстин, 1973. С. 64-65). Одновременно попытку анализа материалов стоянок Большеземельской тундры предприняла И.В. Верещагина, ограничившись, правда, изучением микролитического инвентаря. Часть памятников ею была отнесена к мезолиту, а неолитом атрибутированы памятники, в коллекциях которых встречалась ямочно-гребенчатая керамика, а также типы орудий и наконечников стрел, характерные, по мнению исследователя, для неолита европейского Северо-Востока (Верещагина, 1973).

В 1985 г. Г.А. Чернов при содействии археологов В.И. Мошинской и Л.П. Хлобыстина систематизировал данные о стоянках Большеземельской тундры, попытался реконструировать систему жизнеобеспечения первобытных коллективов тундры, определить хронологию и пути ее заселения и дать характеристику материальной культуры населения каждого из выделенных им этапов (Чернов, 1985).

В 1988 г. В.С. Стоколос на основании материалов собственных раскопок развил взгляды В.И. Канивца на формирование, ареал и хронологию коршаковской культуры эпохи бронзы (Стоколос, 1988. С. 159-187). Материалы стоянки Коротайха 1981/8 позволили ему поставить вопрос о существовании особой арктической культуры гребенчатой керамики эпохи раннего металла, памятники которой предварительно были отнесены им к йоркунтинскому типу, выделенному Л.П. Хлобыстиным на Ямале (Стоколос, 1988. С. 50, 60).

К числу до конца не решенных вопро-

сов археологии материка северо-востока европейской Арктики и Субарктики относятся хронология, генезис и этнокультурная принадлежность средневековых памятников. Их актуальность вытекает из прямого отношения к изучению происхождения современного населения тундровой зоны – ненцев. Археологических памятников, материалы которых могут пролить свет на эту проблему очень немного (поселения Море-ю II, Хутьюнкосе I, Мыс Входной, Коматывис I, городище Гнилка и Ортинское, жертвенные места Хэйбидя-Пэдара и Гнилка). Они расположены в разных частях Большеземельской тундры, разнотипны (поселения, городища, святилища), разновременны и не позволяют создать полного представления о тундровом средневековье, как с точки зрения материальной культуры, так и этно-культурных особенностей оставивших их коллективов.

А.М. Мурыгин, проанализировав керамические материалы эпохи средневековья, выделил три типа глиняной посуды (Море-ю, Хутьюнкосе, Коматывис), соответствующих трем хронологическим этапам развития в Мало- и Большеземельской тундрах особой «субарктической» археологической культуры. Такой вывод был сделан на основании морфологического сходства посуды этих этапов и бытования их преимущественно в тундровой зоне (Мурыгин, 1992.). Высказано предположение, что эти памятники относятся к местной культуре охотников на дикого северного оленя субарктической зоны северо-востока Европы, связанной своим происхождением с нижнеобско-ямальским (угорским или самодийским по этнокультурной принадлежности) кругом археологических культур (Мурыгин, 1992). По результатам раскопок многослойного поселения Мыс Входной на материковом побережье пролива Югорский Шар Л.П. Хлобыстин определил его как памятник арктической приморской культуры, поселение охотников на морского зверя (1996). Керамика верхних слоев типична для глиняной посуды Большеземельской тундры втор. пол. I тыс. н. э. В керамике из нижележащих слоев прослеживается влияние продвинувшихся на северо-восток Европы групп населения с севера Западной Сибири (усть-полуйского, саровского-кулайского). Хозяйственно-культурный тип

этого приморского населения имел сложный характер и включал в себя как развитую морскую, так и сухопутную охоту с сезонной сменой основного промысла. Высказано предположение, что облик средневековой культуры на северо-востоке Большеземельской тундры в течение длительного времени определялся притоком нижнеобского и ямальского населения (Хлобыстин, Питулько, 1996).

О.В. Овсянников полагает, что нижнепечорские городища втор. пол. I тыс. н. э. (Ортинское и Гнилка) служили племенными центрами местного населения, известного под именем летописной «печеры» или «сииртя» ненецких преданий, имевшими тесные связи с Северным Приуральем и Нижним Приобьем (Ясински, Овсянников, 1998; 2003). После X в., в процессе установления даннических отношений и подчинения печорских племен русскому влиянию они прекратили существование.

Результаты исследований Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места (VI-XIII вв. н. э.), расположенного в центральной части Большеземельской тундры, позволили отнести его к межплеменным местам почитания, предметы на котором были оставлены различными по происхождению и этнокультурной принадлежности группами населения Печорского Приуралья и сопредельных районов Большеземельской тундры и Зауралья (Мурыгин, 1992). Состав большей части культурных остатков позднего этапа существования непосредственно жертвенного места (рубеж I-II тыс. н. э. и далее), особенности их планиграфического положения в пределах исследованной площади вне святилища, позволил поставить вопрос о серьезных изменениях в историко-культурной обстановке в целом на крайнем северо-востоке европейской части России где-то в первой четверти II тыс. н. э., либо о локальном конфликте между различными коллективами, произошедшем на этом участке тундры (Мурыгин, Усолкина 2013).

Святилище Гнилка на Нижней Печоре, по мнению О.В. Овсянникова представляло собой в VI—X вв. н. э. единый культурный комплекс с расположенным рядом одноименным городищем. Оно продолжало функционировать вплоть до кон. XIII в., увеличившись в площади за счёт соседнего заброшенного городища. Прекращение функционирования

святилища связывается со сменой населения в печорских тундрах — исчезновением летописной «печеры» и приходом ненецких племен (Ясински, Овсянников, 1998; 2003).

* * *

Таким образом, более чем 200 — летняя история археологических исследований крайнего северо-востока европейской части России позволяет говорить о том, что они оформились в одно из важных направлений российской археологической науки. К началу второго десятилетия XXI в. в тундровой зоне северо-востока Европы стало известно уже около 900 памятников археологии. Накоплен богатый опыт поиска и раскопок археологических памятников различных эпох в высоких широтах. Несмотря на это, западный сектор российской части циркумполярной области все еще относится к наименее археологически изученным областям континента. Территория изучена неравномерно. Абсолютное большинство обнаруженных памятников (как в прошлом, так и в настоящем) представлено сборами подъемного материала на участках развееваемых песков. Крайне недостаточны количественный и качественный уровни источниковой базы. Археологические работы в тундровых районах европейской части России до сих пор носят эпизодический характер.

Между тем, краткий историографический обзор показывает, что изучение древностей тундровых районов европейского северо-востока все-таки позволило сделать важные научные открытия в решении вопросов освоения высоких широт Евразии человеком, были достигнуты вполне определенные успехи в исследовании культуры аборигенного населения на различных этапах его истории. Пройден длинный путь от публикаций непроверенных данных и случайных сборов археологического материала любителями и представителями естественнонаучных дисциплин до профессионального изучения археологических источников. Здесь следует подчеркнуть, что период 1967-91 гг. был единственным в истории археологического изучения тундровой зоны, когда исследования велись в рамках плановых тем и за счет бюджетного финансирования. С первой половины 1990-х гг. и по настоящее время финансирование исследований в прибрежных

и континентальных тундрах стало полностью основываться на хозяйственных договорах, а экспедиционные работы ограничиваются, как правило, зонами промышленного освоения.

В то же время, несмотря на достаточно ограниченный, а в последние два десятилетия большей частью прикладной характер проводимых в тундрах северо-востока европейской части России археологических исследований, имеющиеся на сегодняшний день данные могут быть использованы для решения фундаментальных проблем. А именно, первоначального освоения высоких широт человеком и дальнейшего расселения и взаимодействия здесь первобытных коллективов, адаптации населения в древности и средневековье к экстремальным условиям среды обитания и динамика культурных изменений на севере Евразии. Имеющиеся материалы по археологии высоких широт с той или иной степенью глубины освещают наши представления по этим вопросам на всех этапах заселения тундровой зоны: от палеолита до эпохи средневековья.

Все проведенные к настоящему времени исследования доказывают перспективность дальнейших работ по поиску объектов археологического наследия, как в континентальной, так и приморской части европейских

тундр. Древние памятники были обнаружены практически во всех из них, что еще раз свидетельствует о широком расселении древних коллективов по всей площади тундровой зоны на разных этапах ее освоения в прошлом. Работы последних десятилетий показали результативность и необходимость поиска археологических объектов на площадях активного промышленного освоения Арктики с целью предотвращения их возможной невосполнимой утраты в результате действий хозяйствующих субъектов.

В прикладном аспекте полученные данные могут быть использованы для разработки рекомендаций по сохранению историко-культурного (археологического) наследия для инициаторов хозяйственной деятельности и органов охраны и использования памятников истории и культуры. Перспективы фундаментальных исследований включают в себя полномасштабные и планомерные археологические разведки и раскопки наиболее ценных в источниковедческом плане памятников, что будет способствовать, прежде всего, решению проблем этногенеза самодийских народов, а также характеристике систем жизнеобеспечения первобытных коллективов в тундрах европейского Севера.

ЛИТЕРАТУРА

- Васкул И.О. Исследования памятников эпохи железа на территории Коми АССР и Пермской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С. 5-8.
- Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 259 с.
- Верещагина И.В. Памятники с микролитическим инвентарем Большеземельской тундры // Археологические исследования в бассейне Печоры. Сыктывкар, 1973. С. 3-21 (МАЕСВ. Вып. 5).
- Гурина Н.Н. Некоторые новые данные о заселении Севера европейской части СССР // СА. 1957. № 2. С. 115-120.
- Журавский А.В. Результаты исследования Приполярного Запечорья в 1907 и 1908 годах // Изв. Русского геогр. общ. 1909. т. XV. Вып. I – III. С. 197-232.
- Канивец В.И. Древнее святилище в Большеземельской тундре // III МКФУ: Тез. докл. Таллин, 1970. Т. 2. С. 12.
- Кулик Н.А. Поездка в Большеземельскую тундру летом 1910 г. // Тр. общ. землеведения при Императорском С.-Петербур. университете. СПб., 1914. Т. III. С. 1-20.
- Кулик Н.А. Предварительный отчет о поездке в Большеземельскую тундру летом 1910 г. // Записки Императорского минералог. общ. ПТг., 1915. Сер. 2, Ч. LI. С. 1-56.
- Лашук Л.П. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958. 200 с.
- Лузгин В.Е. Археологические находки на побережье Чешской Губы и полуострова Канин // ИФС. Вып. 8. Сыктывкар, 1963. С. 99-102.
- Лузгин В.Е. Разведка в Малоземельской тундре // АО-1973. М.: Наука, 1974. С. 20.

- Лузгин В.Е. Неолитические стоянки в бассейне р. Индиги // Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени. Сыктывкар, 1977. С. 23-30 (МАЕСВ. Вып. 6).
- Лузгин В.Е., Мурыгин А.М. Разведка на Полярном Тимане // АО-1975. М.: Наука, 1976. С. 30.
- Мурыгин А.М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М.: Наука, 1992. 182 с.
- Мурыгин А.М. Памятники позднего железного века лесной и тундровой полосы Печорского Приуралья // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 478-560.
- Мурыгин А.М., Карманов В.Н., Кленов М.В. Новые археологические исследования в тундрах северо-востока Европы. Сыктывкар, 2012 (Изд. Коми НЦ УрО РАН). 68 с.
- Мурыгин А.М., Усолкина М.А. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место – новые данные (по результатам охранно-спасательных работ 2012 г.) / Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи // Мат. Всерос. научн. археологической конф. (Сургут, 1-4 октября 2013 г.). Екатеринбург-Сургут: изд. Магеллан, 2013. С. 86-93.
- Павлов П.Ю. Исследования археологических стоянок на северо-востоке Европы // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С. 28-29.
- Павлов П.Ю. Палеолит // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 44-90.
- Павлов П. Ю. Древнейшие этапы заселения севера Евразии: северо-восток Европы в эпоху палеолита // Северный археологический конгресс. Екатеринбург-Ханты-Мансийск: Академкнига, 2002. С. 192-209.
- Павлов П.Ю. Палеолит северо-востока Европы: новые данные // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. № 1(33). С. 33-45.
- Павлов П.Ю., Индрелид С., Свендсен Й-И., Хуфтхаммер А-К. и др. Исследование палеолитических стоянок на северо-востоке Европы // АО 1995. М.: Наука, 1996. С. 72-73.
- Плюснин С.М. Городища Нового Бора // Проблемы историко-культурной среды Арктики. Сыктывкар, 1991. С. 115-116.
- Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988. 256 с.
- Фосс М.Е. Древнейшая история Севера европейской части СССР // МИА, 1952. № 29. 280 с.
- Хлобыстин Л.П. Крайний Северо-Восток Европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита (МИА. № 172). Л., 1973. С. 54-65.
- Хлобыстин Л.П., Питулько В.В. Многослойное поселение Мыс Входной // Древности Русского севера. Вып. 1. Вологда, 1996. С. 123-133.
- Чернов Г.А. Новые археологические находки в Большеземельской тундре // КСИИМК. 1954. Вып. 54.
- Чернов Г.А. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре // СА. 1955. № 23. С. 291-320.
- Чернов Г.А. Атлас археологических памятников Большеземельской тундры. М.: Наука, 1985. 169 с.
- Штукенберг А.А. Отчет о геологическом путешествии в Печорский край и Тиманскую тундру // СПб., 1875. 125 с.
- Штукенберг А.А. Каменные орудия и бронзовые вещи, найденные в Печорском крае в 1874 г. // Тр. IV Археологического съезда. 1884. Т. I, ч. I. С. 31-33.
- Ясински М.Э., Овсянников О.В. Взгляд на Европейскую Арктику // Архангельский Север: проблемы и источники. Т. I. Спб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. 464 с.
- Ясински М.Э., Овсянников О.В. Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб: Петербургское Востоковедение, 2003.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	- Археологические открытия
ИАЭТ СО РАН	- Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИФС	- Историко-филологический сборник
Коми НЦ УрО РАН	- Коми научный центр Уральского отделения РАН
КСИА	- Краткие сообщения института археологии

КСИИМК	- Краткие сообщения Института материальной культуры
МАЕСВ	- Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
МКФУ	- Международный конгресс финно-угроведов
СА	- Советская археология